

Родился я рукой вперёд вместе с головой, и долго в детстве так руку и держал, когда спал. Что бы это значило?

Из больницы мама привезла меня на Степана Разина, где она жила в это время вместе со своей бабушкой Лизой, сторожили квартиру, остальные все эвакуировались в Сибирь в начале лета. Бабушка Лиза, моя прабабушка (мать Александры Владимировны), работала почтальоном. Долго нянчить меня ей не довелось. Как-то, ослабев от голода, она упала на развороченном полу лестничной площадки (половицы отрывали на дрова), выбила глаз, но на работу продолжала ходить. Вскоре, однако, её разбил паралич, и в декабре она умерла. Хоронили на Волковом кладбище, отвозили на санках.

Моя прабабушка Лиза с мамой (на руках) и тётёй Люсей (стоит на полу)

Мама осталась одна. В январе папа перевёз её вместе со мной на Нарвскую заставу, к тётё Шуре, подруге моей бабушки, моей крёстной - меня крестили по православному обряду. Колыбелью мне служило красивое деревянное корыто, привезённое из подвала на Степана Разина. В нём меня можно было качать, и купали меня в нём тоже. Как-то меня грели над плитой, и я написал в сковородку. У тётё Шуры папа довольно часто нас навещал. 27 января смотрели салют в честь снятия блокады.

Весной папу направили в Ручьи, отобранные у немцев, на траление мин, и до лета он в Ленинграде не появлялся. Приезжал в июне, а меня в это время не было дома, лежал в больнице, мне переливали мамину кровь. Мама приносила меня из больницы показать папе. Вид у меня был рахитичный, но что поделаешь?

В июле 1944 года папа с мамой, наконец, расписались. Моей фамилией вместо Бургвиц стала Намгаладзе. В сентябре папу отправили в Ленинград на учёбу - на годичные курсы повышения квалификации в училище имени Фрунзе. Теперь мы всёй семьёй - мама, папа и я жили вместе, снова на Степана Разина. По вечерам папа готовился к занятиям, а я сидел у него на коленке и в свои десять месяцев уже чирикал у

карандашом у него в тетрадях и книжках. Или сидел на плетёном стульчаке для горшка и пилил напильником его ручку, гордо провозглашая:

- Я пиля, пиля ...

К окончанию курсов родилась моя сестра Люба - 12 августа 1945 года. Мы с папой ходили навещать маму в больницу. А вскоре папа опять уехал: после окончания курсов его направили в Таллин. Правда, оттуда его командировали в Ораниенбаум на траление, и папа мог заезжать иногда домой. Летом 1946 года мы жили в Разливе, а осенью всей семьёй переехали в Таллин. Кончился первый ленинградский период моей жизни.

Мама и я, 1945-46 г.г.

Единственным реальным, моим собственным воспоминанием об этом времени остался случай, когда я нечаянно ткнул маму карандашом в глаз, и она заплакала. Я испугался и тоже заплакал, мама взяла меня на руки и прижала к груди. Мне даже помнится, что это было в комнате, в которой потом жила семья тётки Веры - сестры дяди Сережи Мороз, и мы в неё ходили уже только в гости, а тогда никого кроме нас с мамой не было.

Вообще же подвал на Степана Разина в воспоминаниях моего детства занимает довольно много места. К концу войны вернулись из эвакуации Яковлевы (тётя Вера, её муж - дядя Федя, дочка Галя, года на три постарше меня, и сын Серёжка, младше меня на год) и Морозы - тётя Люся и дядя Серёжа, в марте 1945 года у них родился сын Вовка, двоюродный мой брательник. В этой большой компании мы жили недолго, но, когда наша семья переехала из Ленинграда в Таллин, мы часто приезжали в гости (мама ведь не работала) к своим подвальным родственникам - Морозам и Яковлевым. Морозы занимали одну большую комнату, метров 20 квадратных, Яковлевы - две поменьше, а кухня была общая.

Подоконники в тётки Люсиной комнате были на уровне мощёного булыжником прохода во двор; в окна, выходявшие на тёмную стену соседнего дома, отстоявшего метров на десять, видны были только ноги прохожих. Дом находился недалеко от порта, в наводнения квартиру затапливало, спасались на верхних этажах. Однажды в наводнение, перебегая залитый водою двор, тётя Люся провалилась в открытый канализационный люк. Спасли подушки, которые она куда-то тащила.

Тётя Люся (крайняя слева среди лыжниц) и дядя Серёжа Мороз, ок.1938-40 г.г.

В этой сырой и мрачной комнате Морозы прожили после войны ещё 14 лет, в 1950-м году у них родился второй сын - Колька. Наконец, в 1959-м году дяде Серёже, инженеру ГОМЗа, инвалиду войны дали комнату несколько меньшего размера, но несравненно светлее и суше в коммунальной квартире на четыре семьи на Удельной (на углу Скобелевского и Удельного проспектов, рядом со станцией электрички Удельная). В этой квартире уже были все удобства: газовая колонка и ванная. Мне довелось квартировать здесь, будучи первокурсником ЛГУ. Здесь же мы с Сашулей справляли свадьбу.

Отдельную двухкомнатную квартиру Морозы получили, прожив на Удельной 15 лет, когда уже и Вовка, и Колька были женаты и имели детей: Вовка двух сыновей, а Колька - одного. Комнату на Удельной удалось сохранить за Вовкой, а в новую квартиру поселились тётя Люся с дядей Серёжей и Колька со своим семейством. В 1979-м году и Вовка получил, наконец, отдельную квартиру.

(продолжение следует)